

Кристина Зимирева
Проблема коммуникации
в раннем творчестве А. М. Ремизова

Одной из наиболее актуальных проблем в раннем творчестве А. М. Ремизова является проблема коммуникации. В отличие от старших современников, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, А. П. Чехова и других писателей, для которых эта проблема также была актуальна, Ремизов не интересуется социальными, экономическими, историческими или иными внешними причинами взаимного отчуждения между людьми. В центре его внимания оказывается нравственно-философский аспект одиночества.

В большинстве ранних произведений Ремизова герои предстают как одинокие люди, утратившие все разнообразие связей с миром. В полном одиночестве находится ссыльный Кудрин, главный герой рассказа «Новый год»: «И одиноко у него и холодно на душе»¹. В абсолютном одиночестве оказывается Палагея Сергеевна (рассказ «Покровенная»): «Она одна в этой опостылевшей комнате, она во всем мире одна» (Там же, 450). Лишенным устойчивых связей с внешним миром предстает герой рассказа «Музыкант»: «На одном месте подолгу он не мог сидеть, и менял город за городом» (Там же, 12). Утрачивают связи с миром и герои рассказа «Чертик». Аграфена, когда-то жизнерадостная и общительная, совершенно избегает всяких контактов с окружающими: «Куда все подевалось? — Сама не поймет. Да и было ли что? — Ничего не помнит. Будто родилась такой, будто отро-

© Kristina Zimireva, 2010

© TSQ 33, Summer 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Ремизов А. М. *Собр. соч.: В 10 т.* М., 2000. Т. 3. С. 24. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страниц.

дьясь не веселилась, не радовалась, не улыбалась ни разу»². То же самое происходит и с ее мужем Иваном Дивилиным после исчезновения сына Бориса. Герой как бы застывает в оцепенении: «С того дня, как увезли Бориса, он больше не ложился спать, больше он не мог спать. Все ночи проводил старик в комнате Бориса на своем обычном месте у стола и, облокотясь, смотрел туда, где прежде сидел Борис над книгами»³. В полном одиночестве в канун Рождества оказывается пассажир поезда Скороходов (рассказ «Святой вечер»). Не менее драматично положение инженера Пташкина (рассказ «Казенная дача»), лишенного радости общения. Совершенно одинокой и беспомощной оказывается Христина Федоровна, хозяйка магазина (роман «Часы»). Абсолютно лишены круга общения и другие герои романа: Костя, старик, Нелидов, Катя, — каждый из них пережил или переживает свою драму, и т. д. По наблюдениям Е. Горного⁴, в этом произведении возникает лейтмотив «одионого заключения», свидетельствующий о полном отчуждении человека от мира.

Не только взрослые, но и дети зачастую оказываются в ситуации изоляции, что подчеркивает тотальный характер духовной разобщенности между людьми. Детей в ранних произведениях Ремизова или запирают за проделки в карцер, или не выпускают из дома («Чертик», рассказ «Слоненок» и др.) Хотя некоторые исследователи отмечали, что дети у Ремизова нередко предстают одиоными и страдающими⁵, они не рассматривали этот вопрос как часть проблемы коммуникации в раннем творчестве писателя.

² Ремизов А. М. *Повести и рассказы*. М., 1990. С. 111.

³ Там же. С. 112.

⁴ Подробнее см.: Горный Е. Заметки о поэтике А. М. Ремизова: «Часы» // *В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана: Сборник статей*. Тарту, 1992. С. 192—209.

⁵ Об этом см.: Обатнина Е. Р. «Магический реализм» А. Ремизова // Ремизов А. М. *Собр. соч.: В 10 т.* М., 2000. Т. 3. С. 589—590:

Козьменко М. В. Мир и герой А. Ремизова (к проблеме взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя) // *Филологические науки*. 1982. № 1. С. 25 и др.

Моделируя ситуацию отторжения человека от мира, автор подчеркивает, что одиночество не является следствием свободного самоопределения, а диктуется различными отчуждающими факторами, свидетельствуя о враждебности мира.

Причиной отчуждения от мира нередко становятся арест или ссылка героя.

Оказывается в тюрьме герой повести «В плену», попадают под арест Слякин (рассказ «Опера») и Пташкин («Казенная дача»). Героя повести «Эмалиоль» Хлебникова читатель застаёт на тюремном этапе. Даже жизнерадостный и миролюбивый Турка (рассказ «Галстук») оказывается под арестом лишь потому, что вступился за слабых и незащищённых женщин. Анализируя повесть «В плену», Г. Вашкелевич⁶ замечает, что автор не останавливается на причинах тюремного заключения героя-повествователя. Это наблюдение можно отнести и ко многим другим произведениям («Серебряные ложки», «Казенная дача», «Эмалиоль» и т. д.) В некоторых случаях, например, в рассказе «Новый год», только по нескольким намекам можно догадаться, что Кудрин оказывается в ссылке. Отсутствие указаний на какие-либо конкретно-исторические причины отчуждения говорит о том, что автора интересуют нравственно-философский, психологический аспекты проблемы коммуникации.

Другой важнейшей причиной изоляции становится болезнь. Она осмысливается автором как ещё одна форма «одиночного заключения» в Мире-тюрьме, свидетельствующая о невозможности установления контакта с окружающими. Заболевает Павлушка («Слоненок»), получают травмы Антонина («Чертик») и Занофа (рассказ «Занофа»). При этом если до несчастного случая героини стремятся к общению, то после получения травмы меняется их поведенческая стратегия. Писатель показывает, что вследствие несчастного случая происходит деперсонализация, и героини начинают избегать

⁶ Вашкелевич Х. А. Ремизов «В плену»: Истоки художественного метода // А. Ремизов: исследования и материалы. СПб., 1994. С. 19–25.

общества людей. Занофа никуда не выходит из дома и «хочет смерти», а Антонина «бередит» и «дразнит» себя, зная, что «до гробовой доски» обречена сидеть дома.

Смертельно опасная болезнь полностью лишает героиню романа «Часы» гимназистку Катю общества людей: она умирает в своей комнате в безысходном одиночестве. И если до болезни она хотела общаться с людьми и радоваться жизни, то теперь доминирующим в ее душе оказывается чувство равнодушия. Внешние раздражители скользят по поверхности ее сознания, не проникая в экзистенциальную сферу: «Глубоким пластом лежало на всем равнодушие. Она ничего не хотела, ее ничто не влекло, ее ничто не приковывало, словно ровно ничего у ней и не было [...]» (IV, 66).

Показательно, что болезнь и тюремное заключение по характеру взаимоотношений с окружающим миром полностью отождествляются: в обоих случаях «заточение» человека недобровольно, ему не с кем общаться, он тяготится своим пребыванием в «одиночке». Это подтверждает, что писателю гораздо важнее показать, что в мире постоянно действуют некие враждебные, «разлучные» силы (определение самого автора), ведущие к взаимному отчуждению между людьми. Даже обрушивающееся на людей несчастье — стихийное бедствие (рассказ «Пожар») — не способно сплотить людей. Катастрофа лишь выступает катализатором одиночества человека в мире.

Помимо болезни и травм, к утрате связи с окружающим миром приводит потеря (нарушение) зрения.

Многим героям Ремизова свойственно ослабленное зрение. Так, персонаж «Нового года» по кличке Козел на протяжении рассказа жалуется на глаза: «Больно видеть, [...] я в тюрьме двадцать два месяца высидел, глаза лишился...» (III, 27). Сам Кудрин, у которого также ослаблено зрение, теряет ориентиры в пространстве: «Очки запотели, ничего не разбирает» (Там же, 32). Эта символическая деталь свидетельствует о затрудненности контакта с окружающими.

Нарушение зрения становится эмблемой духовного отчуждения героя от мира. У Хлебникова («Эмалиоль») также плохое зрение. Размышляя о собственной участи, он приходит к такому заключению: «А вся беда в его глазе. Ведь он близорук, и сидит без очков, ведь он во всех смыслах близорук и потому не может видеть всех пружин и не понять ему, что именно так и надо быть всему, как оно есть» (Там же, 542). Близорукий герой рассказа «Опера» Слякин попадает в нелепую ситуацию, приводящую к аресту, только потому, что из-за слабого зрения плохо ориентируется в пространстве. Таким образом, утрата зрения подается как символ «заброшенности», потерянности человека в мире. Этот мотив выступает тем зловещим символом безысходности, отторжения от мира, которую чувствуют многие герои. Нарушение зрения становится одним из магистральных символов невозможности для человека найти выход из Мира-тюрьмы, из своего «одиноким заключения».

В отдельных случаях персонаж неспособен воспринимать Другого в его целостности, в результате чего происходит редукция восприятия действительности. Особенно это характерно для Кудрина («Новый год»). В силу ослабленного зрения герой не может восстановить целостный облик человека. Не видя лиц, не отличая людей друг от друга, сначала он отгоняет «от книги назойливый палец», потом ему кажется, что «какие-то руки без туловища ташут» его. Так в Мире-тюрьме теряется человеческая индивидуальность, а вместе с ней способность идентификации человеческого облика.

Фактором, сопутствующим отчуждению человека от мира, выступает и онемение (немота). Мотив онемения, как и мотив слепоты, связан с «пограничной ситуацией» (боль, страдание, смерть). В рассказе «Пожар» во время разгула стихии люди теряют способность говорить: «[...] метались люди с отнявшимся языком и дико, по-звериному кричали»⁷. Перед смертью Зина («Жертва») окончательно теряет голос. Ермил («Пожар») изначально лишен дара речи. Состояние

⁷ Ремизов А.М. *Избранные произведения*. М., 1995. С. 216.

внутреннего «коллапса» сопровождается у многих героев («Опера», «Серебряные ложки», «Казенная дача» и др.) тем, что они не могут выговорить ни слова.

Кроме зрения и дара речи, в Мире-тюрьме герой Ремизова лишается и слуха. Жертва случайности Слякин («Опера»), ничего не слыша вокруг, продолжает упорно стучать в дверь закрытой ложи. Пташкин («Казенная дача»), запертый в камере, призывает прокурора из-за закрытой двери, не реагируя на замечания надзирателя. Мотивы потери зрения, дара речи и слуха оказываются обязательными атрибутами ситуации «одиночного заключения», в которой оказывается герой.

И, наконец, самым главным фактором, фатально разрушающим человеческие связи, становится гибель или бесследное исчезновение героев. Умирает семья неназванной героини рассказа «Спасов огонек», и, оставшись в полном одиночестве, она вынуждена уехать из дома. Убивают жениха Занофы («Занофа»), внука бабушки Петьку (повесть «Петушок»). Один за другим погибают дети в семье Бородиных («Жертва»). Бесследно исчезает Борис, сын Дивилина («Чертик»), отец Занофы, и др.

Однако причины разобщенности между людьми кроются и в том, что человек неспособен передать свой опыт Другому посредством слова. С точки зрения писателя, внутреннее экзистенциальное состояние невыразимо на языке понятий. Духовный опыт оказывается замкнутым в пределах внутреннего мира самого человека, что порождает ситуацию одиночества. Ср. в автобиографической хронике «Взвихренная Русь» (1927): «Каждый сам в одиночку несет бремя своего проклятия — души своей закрытую чашу, боясь расплескать ее» (V, 141). Неслучайно большинство разговоров, а также монологических высказываний персонажей несут неясный («запутанный») характер.

Яшка («В плену») повествует свои длинные, запутанные похождения, странник («Эмалиоль») путается в своих долгих рассказах. Певцов («Серебряные ложки») стремится передать приятелю свои мысли, но ему не удается это сделать: «Про-

должительное молчание прикусывало язык, и слова захрясали в горле, а самая суть прыгала где-то перед носом, поддразнивала и все увертывалась» (Ш, 16). Он испытывает желание оправдаться перед окружающими и вместе с тем перед собой, что приводит к еще большей путанице: «Пробовал кое с кем объясняться, не помогло — еще хуже запутало, а оттого, что, рассказывая, путался и терялся» (Там же, 19).

Важно отметить, что отсутствие или затрудненность коммуникации у раннего Ремизова находит выражение в мотиве стены, выступающей как знак отчуждения, невозможности установления контакта с окружающим миром. Стена становится непроницаемым барьером между героем и миром в повести «В плену». Герой-повествователь заключен в одиночную камеру: «И оставалось хватиться головою об стену, — и конец!» (Там же, 82). Отсутствие коммуникации приводит к «пограничной ситуации» между бытием и небытием: «Я не знаю, живу или нет?» (Там же, 77). В повести «Крестовые сестры» автор в форме несобственно-прямой речи Маракулина замечает, что одинокая, брошенная Верочка бьется «головой о стенку», осознавая безысходность своего положения. В рассказе «Занофа» одиночество героини, дом которой когда-то «ломился» «от народа», передается в том числе посредством мотива стены: «И ударился бы головой об стену, лишь бы вырвать из глотки хоть какой-нибудь звук»⁸.

Как и у других писателей, близких экзистенциальной философии, у Ремизова одиночество перестает быть благом. Нарушение коммуникации влечет негативные нравственно-психологические последствия. Одним из них является «изменение» сознания, которое выступает как одно из проявлений деиндивидуализации личности, связанного с необратимыми изменениями психики одинокого человека.

Невозможность установления контакта с другими людьми приводит к деформации психики и сознания, разума и воли, демонстрируя всестороннее «разрушение личности», утрату того «экзистенциального ядра» (Н.А. Бер-

⁸ Там же. С. 227.

дьяв), которое обеспечивает человеку способность самоидентификации. Обостренное внимание к так называемым «измененным» состояниям сознания (сон, бред, галлюцинации, инсайты), порожденных безысходностью одиночества, было общим для большинства писателей-модернистов 20 в. не только в России (Ф. Сологуба, Л. Н. Андреева, А. Белого и др.), но и за рубежом (Ф. Кафки, А. Камю, Ж.-П. Сартра и др.)

У раннего Ремизова преобладает интровертированный персонаж, ориентированный на внутренний монолог, что ведет к господству монологического сознания над диалогическим. И это закономерно: человек, заключенный в Мире-тюрьме, утрачивает все многообразие связей с окружающими. Доминирование монологического сознания воплощает тип «закрытого человека», замкнутого в пределах своего внутреннего мира, особенно рельефно воплотившийся в творчестве Ф. Сологуба, Ф. Кафки, а также во многих произведениях Л. Андреева и А. Белого.

В ситуации отчуждения меняется характер внутреннего монолога. Внутренний голос героя болезненно заостряет его животрепещущие проблемы. По мере нарастания отчуждения от мира этот голос становится все более враждебным и пугающим. Так, в рассказе «Музыкант» он еще сглаживает возникающий внутренний конфликт между желанием героя петь и невозможностью его осуществить: «Уходи», — долбит кто-то на ухо [...]» (III, 14). Для мальчика Павлушки («Слоненок»), который переживает кризисную, критическую ситуацию («из гимназии выгонят»), внутренний голос однозначно не определен как отрицательный или положительный: «Вот, вот, здорово!» — одобрял и пытал чей-то голос, то суровый, то ласковый» (Там же, 475). Однако уже в этом произведении, где показан одинокий герой, складывается та негативная тенденция, которая отчетливо проявится в других произведениях.

В рассказе «Серебряные ложки» внутреннему голосу сообщается более отчетливая враждебность, несущая серьезный разлад во внутренний мир персонажа. Именно он

поселяет в сознании героя постоянную экзистенциальную тревогу. Певцов сначала обвиняет себя в шпионаже только за то, что однажды подумал об этом: «А если однажды ты был уж готов выдать?» [...] — «Нет, никогда». — «А если однажды ты подумал [...]?» — «Подумал... однажды... [...]» — «Ты шпион»⁹. Певцов пытается оправдаться, но обвиняющий голос торжествует, преследуя его наяву и во сне: «Но и в темном сне долбил его голос: «Подумать и сделать — цена одна»¹⁰. Характерно, что внутренний монолог героя отождествляется с формой допроса («допрашивал себя»), привнося элемент навязанной извне коммуникативной ситуации, существующей в тюрьме, откуда Певцов недавно был выпущен.

Мир «неподлинного» существования является обратной, или «отраженной», проекцией «истинного» бытия. Другой, приобретающий негативный статус, получает возможность управлять сознанием человека. Лишенный подлинного общения, герой наталкивается на чуждый, враждебный голос. Так происходит подмена истинного контакта на контакт принудительный, который становится единственной формой общения в Мире-тюрьме. Например, в романе «Часы» Костя, одинокий подросток, жертва постоянных насмешек со стороны окружающих из-за кривого носа, постоянно ведет внутренний монолог на эту тему. Внутренний голос здесь носит особенно враждебный характер, свидетельствуя о глубокой дисгармонии отчужденной от мира личности: «Эге, выкусил? Раскроешь глаза, ну и что же? какие у тебя глаза? один косою, другой выпученный. [...] никто никогда не приставит тебе ни носа, ни глаза, никогда! как родился, так и подохнешь, дурак!» — «Почему это я дурак?» — поддернулся Костя [...]. — «Ну идиот, разница небольшая» (IV, 8). «Идиот», «дурак», «ворона» — эти оскорбительные замечания окружающих не только проникают в сознание Кости, но и свободно управляют им. Лишенный иных форм

⁹ Ремизов А.М. *Избранное*. М., 1978. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 77.

коммуникации, которые подарили бы ему тепло, внимание и заботу, герой оказывается один на один с этим голосом.

В рассказе «Новый год» внутренний голос Кудрина становится не просто враждебным, а издевательским, насмехающимся, сближающимся с inferнальным хохотом. В ситуации экзистенциального тупика герой вспоминает свое детство. «Ай-ай-ай, какой ты!» — смехом протягивается из глуби сердца нехороший голос [...]» (III, 24). Отзываясь на этот голос, Кудрин приходит к самым отчаянным «подпольным» мыслям: «[...] и если бы сию минуту мир провалился <...> пускай! ему ничего не надо» (Там же). Это означает для героя утрату способности управлять самим собой: «Ай-ай-ай, какие глупости!» — смеется нехороший голос, и Кудрин начинает смеяться этим мелким, *не своим* (выделено мной — К. З.), захватывающим дух смехом» (Там же). Исходящий от героя смех уже не принадлежит ему, как и не принадлежит себе он сам. Так находит воплощение ирония судьбы, которая отчетливо прослеживается в рассказе. Эта ирония, по Ремизову, в данном случае связана с тем, что человек, который стремился к всеобщему счастью, к построению «бессмертного рая» на земле, оказывается не только не способным построить собственное счастье, но и никому не нужным. Деформация сознания, согласно поэтической логике автора, способствует проникновению неподконтрольных inferнальных сил, которые овладевают разумом и волей человека, приводят его к отчуждению не только от других людей (оно уже состоялось), но и от самого себя.

Иной формой выражения отчуждения от мира становится нарушение сна. Одиночество не несет героям успокоения и ощущения гармонии. Напротив, в их душе зарождается постоянная экзистенциальная тревога, которая приводит к болезненной бессоннице. Поехав на поезде в «дальние края», Скороходов («Святой вечер») всю ночь не может заснуть, а после бессонной ночи чувствует тягостное утомление. Оказавшись в одиночестве, Певцов («Серебряные ложки») не может отогнать от себя тяжелых мыслей, которые мешают ему заснуть. Сознание заключенного в одиночную ка-

меру Хлебникова («Эмалиоль»), отягощенное мыслями о безысходности собственного положения, не дает ему возможности и во сне освободиться от переживаний: «После двух бессонных ночей, проведенных одиноко со своими мыслями, в беспощадных допрашиваниях самого себя, на третью ночь Хлебников [...] заснул» (Там же, 542). Таким образом, в Мире-тюрьме сон перестает быть формой экзистенциальной «укрытости». Он становится еще одной формой «одиночного заключения» в Мире-тюрьме.

Разрушение межличностных и социальных связей приводит человека в художественном мире писателя к галлюцинациям. Чем больше времени Катя («Часы») проводит в одиночестве, тем сильнее ее степень отчуждения от мира. Когда оно достигает апогея, героиня видит умершую мать, которая приходит к ней: «[...] встала вдруг перед ней [...] ее мать... «Мама!» — закричала в ужасе Катя, и другой сон без видений покрыл ей глаза» (IV, 52). Ситуация изоляции, в которой оказывается заболевший Павлушка, приводит к появлению Другого, приобретающего отталкивающие, чудовищные формы: «И представилось Павлушке, будто какой-то маленький зверек выскочил из часов, подполз к кровати, понюхал его и забегал по комнате. [...]. И вдруг для Павлушки понятным становится, что не зверек это, не слоненок, а черт» (III, 483—484).

Теряют грани между действительностью и видениями и другие персонажи, которые оказываются в ситуации духовной изоляции. Перед Скороходовым («Святой вечер») предстает видение: «[...] будто он поднялся, чтобы посмотреть, отчего шум такой по вагону, а вагон, будто весь рыжего цвета, [...]. «Ура, рыжий дворник от Парамонова! Ура!» — надсаживается вагон и вдруг ухает в какую-то рыжую кашу» (Там же, 509). Оказывается, что герой задремал, но в его сознании явь и сон настолько неотличимы друг от друга, что Скороходов не замечает, как погружается в сон. Кудрину, оказавшемуся в ситуации отчуждения, мерещится, что у него пять ног: «[...] онемевшей рукой пересчитывает; не может понять, откуда их столько?» (Там же, 34). Странные видения преследуют в больнице Стратилатова («Неуемный бубен»), который

переживает разлуку с женщиной, а Костю («Часы»), который мучается из-за своей уродливости и невозможности изменить жизнь, доводят до сумасшествия. «Какая я ворона!» — бормотал Костя, улыбаясь, и, высунув язык, уходил все дальше своею дорогой [...] в свое царство безумия»¹¹.

Другим последствием отчуждения человека от других людей является процесс разрушения мысли. Наиболее существенными характеристиками мысли являются ее автономность (неспаянность с экзистенциальным «ядром» личности, ее «целостным существованием») и агрессивность (враждебный по отношению к человеку характер). В Миретюрье человек теряет способность управлять своим мышлением, а рассудок отказывается подчиниться ему. Особенно актуальной становится идея круговой, замкнутой мысли, поглощающей самое себя, а потом и человека. В бесконечных внутренних монологах герои «Серебряных ложек», «Эмалиоли», «Казенной дачи» и др. постоянно наталкиваются на невозможность разрешить внутренний конфликт. По кругу движется мысль Христины («Часы»), которая оказалась брошенной на произвол судьбы вместе с ребенком: «А круг измытаривших мыслей обнял ее и снова замкнулся» (IV, 22). Стратилатов («Неуемный бубен»), жертва своей страсти, перед смертью жалуется, что его собственные мысли уничтожают его, что он не может «остановить» их. Маракулин («Крестовые сестры») после столкновения со «слепой случайностью», навсегда выбившей его из колеи нормальной жизни, ощущает, что его раздумья не приносят никакого решения проблемы: «И замкнулся в нем круг: знал он, что попусту думать, не надо думать, ничего не докажешь, и не мог не думать, не мог не доказывать — до боли думалось, мысли шли безостановочно, как в бреду» (Там же, 104).

Мысль человека приобретает форму «дурной бесконечности», воронка которой постепенно уничтожает человека, его чувства и духовный мир. Она не дает ему

¹¹ Ремизов А.М. *Сочинения: В 8 т.* СПб.: Шиповник, 1910. Т. 2. С. 140.

умиротворения. Агрессивный характер мысли ведет к устойчивому ощущению безысходности, которое испытывает герой, заходящий в тупик во время размышлений о своей безрадостной, бесперспективной жизни. Герой рассказа «Казенная дача» не в силах удерживать свою мысль, которая ускользает от него: «А если все дело заключалось в борьбе за освобождение от каторги завтрашнего [...] дня, то какой был смысл того свободного дня, который в конце концов гибелью целых поколений все-таки будет завоеван [...]?» Ни спрашивать дальше, ни отвечать не мог Пташкин, просто сил не было» (III, 513).

Особую трагичность художественной концепции человека в раннем творчестве Ремизова придает то, что большинство героев навсегда утрачивают возможность возобновления контакта с окружающим миром, а разрушение межличностных связей оказывается не только неизбежным, но и необратимым. Восстановление утраченной коммуникации и преодоление одиночества оказываются принципиально невозможны. Герои предстают безвольными жертвами непреодолимого разрушения всего многообразия связей.

Абсолютное одиночество становится конечным уделом большинства из них. Скороходов («Святой вечер») вынужден встречать Рождество в полном одиночестве. В одиночестве умирает Стратилатов («Неуемный бубен»); в полном безысходном одиночестве, без шанса на новую жизнь и любовь оказываются Настасья и Палагея Сергеевна («Покровенная»), Кудрин («Новый год») и Певцов («Серебряные ложки»). Одиночество поражает даже самых маленьких героев: Антонину («Чертик»), Павлушку («Слоненок») и Атю («Царевна Мыра»).

Печальная участь постигает одинокую героиню повести «Пятая язва» Марию Васильевну, которая все больше замыкается в себе: «[...] какая-нибудь встреча, какой-нибудь гость — со временем в доме у Бобровых гостей не бывало, отец понемножку всех отвадил [...]» (IV, 224). В определенные кризисные моменты жизни она хочет уйти от мира, «в пустыню», где «нет совсем людей». Тот же удел ждет ее сына

Боброва, который постепенно утрачивает устойчивые связи с окружающим миром: его родители умирают, взаимоотношения в собственном браке складываются неудачно, общество отталкивает его своей грубостью, поверхностностью и т.д. Умирает он безо всякой поддержки и участия в полном одиночестве с убеждением, что «люди вообще существа «грубые», «и глупые», «и лютые».

В ряде произведений Ремизов показывает, что принудительная коммуникация не менее опасна и разрушительна, чем полное ее отсутствие. Особенно яркий пример — повесть «В плену». Если в первой части повести героиня тяготится отсутствием общения, то во второй — обществом людей, навязанным ему извне: «Шум, драки, ругань — постоянные и назойливые, скрутили все мои мысли. И казалось, они забились куда-то, а там, на месте их зияла в душе пустота ровная, страшная и тихая» (III, 86). Тяжелые переживания от общения с людьми, совершенно чуждыми ему по духу, испытывает ссыльный Кудрин. Отсутствие «истинного» общения только усиливает в душе героя чувство одиночества: «И отливаясь, долбили крики и разговоры» (Там же, 30).

Концепция «закрытого человека» связана с еще одной важной проблемой в русской литературе рубежа 19-20 вв., когда появляется тип так называемого «мелкого беса», или «подлеца» (по Ремизову), носителя деформированного, деструктивного сознания. Этот тип сознания отличает то, что его носитель стремится не только к отторжению от мира, но и к его разрушению. Он не тяготится отсутствием общества людей. Он добровольно избирает «затворничество»: он сам «обезбоживает» мир, его окружающий. Тараканомор Павел Федоров («Чертик»), ненавидящий детей, сознательно отгороживает себя от окружающих и отрицает окружающий мир: «Вся земля в плену у нечистого, все проникнуто его сетями [...]»¹². Петр Бородин (рассказ «Жертва»), любящий смотреть на покойников, режущий кур, практически никуда не выходит из дома. Затворническое положение приводит к

¹² Ремизов А.М. *Повести и рассказы*. М., 1990. С. 119.

насилию. Тараканщик убивает незнакомых женщин и, наконец, осуществляет покушение на Глафиру; Бородин набрасывается с ножом на собственную дочь, и только вспыхнувший пожар останавливает его.

Образы этих героев во многом перекликаются с образами доктора Керженцева Л. Н. Андреева (рассказ «Мысль») и учителя Передонова Ф. Сологуба (роман «Мелкий бес»). Именно в «подполье» у Керженцева рождается замысел убийства. Именно в «затворничестве» Передонов, преследуемый маниакальными страхами, приходит к мысли об убийстве. Эти герои, генетически связанные с «подпольщиками» Ф. М. Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание»), типологически коррелируют с «затворниками» Ж.-П. Сартра и А. Камю. Камюсовские (роман «Посторонний») и сартровские (рассказ «Герострат») герои в положении отчуждения от мира, к которому они сами себя приводят, совершают убийства. Как и западноевропейские писатели-экзистенциалисты, Ремизов показывает глубокую взаимосвязь, существующую между самотчуждением от мира и деструктивной направленностью сознания.

Особую роль в раннем творчестве писателя играет мотив насилия. Вместо любви и тепла многочисленные «крестовые» братья и сестры Ремизова — Кудрин, Занофа, Верочка, Христина, Палагея Сергеевна, Настасья и многие другие — постоянно сталкиваются с физическим или моральным насилием. Насилие и смерть становятся постоянными атрибутами Мира-тюрьмы и торжествуют в нем.

Невозможность установления истинного общения в мире, несущем страдания, приводит героев Ремизова к мысли о добровольной смерти. Она становится единственной реальной оппозицией страданиям в целом ряде произведений. В некоторых из них в противовес жизни в Мире-тюрьме человек ставит самоубийство («Пожар», «Пруд», «Часы»), в ряде других — появляется мотив смерти-избавительницы, когда герой не идет на самоубийство, но вместе с тем постоянно призывает смерть, которая несет с собой утешение и покой. Занофа стремится к смерти, и, когда смерть приходит

за ней, она дает возможность метафизического воссоединения с убитым женихом. В повести «Эмалиоль» наблюдая арестантскую жизнь, автор приходит к выводу, что для осужденных смерть является «избавительницей доброй», освободившей их от мук: «[...] как спокойны были лица покойников — являлась им смерть не врагом, а избавительницей доброй [...]» (Ш, 537). В рассказе «Покровенная» героиня Палагея Сергеевна думает о самоубийстве, которое представляется ей единственным исходом. Эта идея становится особенно актуальной для тех рассказов, где Мир-тюрьма заковывает человека полностью, не оставляя ни одной возможности выйти из него. Смерть перестает быть абсурдом и злом, какой она предстает, например, в творчестве Андреева, и становится благом, так как она обещает избавление от земных мук и покой.

Несмотря на то, что герои в художественном мире Ремизова оказываются в ситуации отчуждения по самым разным причинам, одиночество предстает как онтологический статус человека в мире. Фокусируя внимание на проблеме коммуникации, писатель показывает, что в мире существуют некие неподвластные человеку, иррациональные законы, обрекающие его на безысходное одиночество, которое становится его конечным уделом. Герой лишается возможности восстановить свою связь с окружающим миром, и отчуждение оказывается непреодолимым. Выброшенный за пределы «обжитого» мира, он предстает существом, обреченным на одиночество, страдания или смерть во «враждебном» космосе.